

ГРАНДАНСТВЕННОСТЬ
Умение оперативно от-
личинуться на самые
изгучие проблемы — харак-
тернейшая черта гостящего
у нас театра «Современник». Хочется обратить внимание
на некоторые моменты ма-
стерства коллектива, поде-
литься впечатлениями о
внешнем рисунке просмотрен-
ных спектаклей.

Культуре сценической ре-
чи, владению словом, кото-
рые продемонстрировали го-
сти, может позавидовать
любой театр. Даже в беше-
ных словесных поединках,
сказкам, спектакля «Больши-
ники», они умудряются не
комкать, не терять ни одну
фразу. Словом, «прослуши-
ваются» спектакли «Совре-
менника» великолепно. А
как они «смотрятся»?

Театр — искусство по
своему характеру зрелищ-
ное. Об этом иногда забы-
вают, иногда просто игно-
рируют, ошибочно полагая,
что само понятие зрелищ-

ГАСТРОЛИ «СОВРЕМЕННИКА»

ЯРКО, ЗРЕЛИЩНО

ности принижает театраль-
ное искусство. К счастью, «Современник» дален от по-
добного рода заблуждений. Каждый его спектакль — это
пряное действие, после кото-
рого уносишь с собой не
только мысль, но и целост-
ное зрительное впечатление,
являющееся результатом об-
щих усилий режиссера, ак-
теров художника.

В «Современнике» разбо-
ают прекрасные художники
П. Кириллов, С. Бархин,
В. Доррер, Б. Бланк — и
эстетическое наслаждение
способно доставить одно ужас-
а общение с созданными ими
декорациями. Белый, изящ-
ный анжур уголка интерьера
как бы намекает на эфемер-

ность прекрасных мечтаний
провинциала Александра
Адуева, прибывшего в Петер-
бург («Обыкновенная исто-
рия»), чью бюрократическую
невозмутимость олицетворя-
ют массивные колонны, рас-
положенные по краям сце-
ны. Однако свести пластиче-
ское решение спектакля к
одному лишь декорационно-
му оформлению было бы яв-
ным упрощением: ведь если
режиссер не обладает пла-
стическим видением, то не
ожидают и самые эффект-
ные декорации.

Так и стоит перед глаза-
ми кульминационная сцена
этого спектакля. Изверив-
шийся, сдавшийся Александр
Адуев на авансцене конвуль-

сивными жестами посыпает
проявление бездушному горо-
ду. А где-то наверху, над
бы над ним самим, над его
чувствами расположились
зловеще марионеточные фигу-
ры чиновников, размерен-
но, механически жестикули-
рующих. Декорация (анжур —
это его, Адуева, тема, чо-
лонны — это их неистреби-
мость), освещение, давящая
мизансцена, сценическое дви-
жение актеров по своей точ-
ности, приближающееся к
пантомиме, — все это сли-
вается в сложном анкорде
зримой музыки, не говоря
уже о том, что смелое реше-
ние с символическими чи-
новниками помогает преодо-
леть спектаклю опасность

намерности, выводит его из
воды блеес широких обоб-
щений.

После каждого из просмотрен-
ных спектаклей ударя-
ются в память не только
мысли, звучавшие со сцены,
но и образы, покоряющие
своей многогранностью, изо-
бразительной красотой. Это
и красное пятно рубашки
Джимми Портера, длинору-
кого «разгневанного» англич-
чанина, мятущегося посреди
сценической площадки, на-
меренно захламленной се-
рым реквизитом («Оглянись
во гневе»). И сложней-
шие многофигурные по-
строения в спектакле «Боль-
шевики», когда на сцене
сталкиваются разные пласти
времени и пространства. Те-
атр уедет, а образы эти всег-
да будут возвращаться на
впечатления о любимом по-
лотне, как музыкальный мо-
тив...

С. МАЦАЙТИС.